

the Media's Construction of Politics in Venezuela. — *Iconos. Revista de Ciencias Sociales*. Num. 45, Quito, mayo. P. 40–49.

Skelcher C. 2006. Does Democracy Matter? A Transatlantic Research Design on Democratic Performance and Special Purpose Governments. — *Journal of Public Administration Research and Theory*, April 26.

УДК 32.019.5

НИКОНОВ Сергей Борисович —

к.полит.н., доцент кафедры международной журналистики Санкт-Петербургского государственного университета 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 26.

NikonovS@mail.ru

ГЕНЕЗИС ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАКРАТИИ В НООПОЛИТКУ

THE GENESIS OF TRANSFORMATION OF MEDIACRACY TO NOOPOLITICS

Данная статья является частью научной дискуссии о месте медиакратии в системе «власть – общество» и ее функционале. Актуальность темы обусловлена попыткой ученых рассмотреть медиакратию не как часть общей информационной стратегии, а как самостоятельный предмет исследования. В статье рассматривается тезис, что ни СМИ, ни медиакратия не являются частью взаимоотношений власти и народа. Медиакратию необходимо рассматривать как инструмент, используемый при претворении в жизнь стратегического планирования предотвращения угроз национальной безопасности. В статье также дается определение ноополитики как информационной стратегии по манипулированию международными процессами.

Ключевые слова: ноополитика, медиакратия, СМИ, манипуляция, общество.

The article is a part of a scientific discussion about the place of mediocracy in the «power-society» system and its functions. The article is based on the idea, that neither media nor mediocracy are part of the relationship between authority and people. The author considers that media is an instrument of power, such as the army. So the mediocracy should be considered as a tool, that is used during implementation of strategic planning on preventing the threats of the national security. The author defines the noopolitics as an information strategy for manipulating the international processes using mass media.

Keywords: noopolitics, mediocracy, media, manipulation, society

Вданной статье, говоря о трансформации медиакратии в ноополитику, мы придерживаемся точки зрения эстернализма, определяющего, что появление науки обусловлено полностью внешними для нее обстоятельствами, в т.ч. и политическими, поэтому основная задача изучения науки сводится к реконструкции социальных условий научно-познавательной деятельности на определенных этапах ее развития. Данная статья посвящена осмыслению введенного в политический оборот термина «медиакратия».

Как считают российские ученые А.С. Пую и С.С. Бодрунова, определение медиакратии впервые ввел в 1975 г. Кевин Филипс в работе «Медиакратия: американские партии и политика в эпоху коммуникации» [Медиакратия... 2013: 7]. Анализируя определение, можно сделать вывод, что этот термин скорее не определял суть медиакратии, а раскрывал его расшифровку как состоящую из двух понятий — «медиа» (здесь понимаемое как средства массовой информации) и «кратия» (властный режим). По его мнению, медиакра-

тия — это качественная характеристика политического режима и может восприниматься как своего рода финальность, результат процесса сращивания журналистики и политики [Медиакратия... 2013: 46].

С развитием науки формировалось и отношение к термину «медиакратия». Смысловое содержание его сегодня можно найти в словарях, доступных читателям в Интернете. Так, словарь на портале *Unwords.com* предлагает следующее определение медиакратии: «Правление, обычно непрямое, популярных медиа; часто результат негативного искажения демократии. Система, в которой политики перестают думать и слушают только СМИ по поводу важных вопросов повестки дня и того, как им следует с ним поступать»¹. Современные исследователи, к которым мы, без сомнения, отнесем Д. Халина и П. Манчини [Halin, Mancini 2004: 37], рассматривают взаимодействие СМИ и политики, при этом на СМИ возлагается лишь инструментальный контроль за деятельностью власти. Сформированные ими модели развития СМИ определяют, что СМИ связаны в политической системой и ее развитием. По их мнению, для анализа политической коммуникации необходим компаративный анализ, а медиаинституты, которые развивались на Западе, нельзя анализировать без учета их политического и исторического контекста. Проблема, которую пытаются не видеть ученые, заключается в том, что их исследования отгораживаются от манипулятивных, пропагандистских концепций использования СМИ, полагая, что данные концепции присущи недемократическим режимам, таким как социалистические, распространенные ранее в Советском Союзе и на Кубе, а в настоящее время — в России и Китае.

В то же время контент-анализ показывает, что манипуляция и пропаганда занимает в современных демократиях, к которым принято относить страны Европы и США, не просто важное, а главенствующее место. Возвращаясь к термину медиакратии, необходимо выяснить, кто формирует контент средств массовой информации.

Сложившийся стереотип равенства между понятиями «журналист» и «средства массовой информации» приводит к искаженному пониманию и определения медиакратии, и ее места в моделях и практиках современной политики. Выступая на конференции «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения», проходившей в апреле 2013 г. в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, П. Манчини в очередной раз говорил о моделях медиасистем как наборе их фиксированных характеристик. Затрагивая политический контекст медиасистем, П. Манчини отмечает, что различные роли, которые государство может играть как владелец, регулятор, основатель СМИ, берут свои корни в общих различиях между ролями государства в обществе. Ученые пытаются описать медиасистемы как медиакратию, но стоящую отдельно от государства, выступающего в роли политического субъекта.

Актуальность изучаемой темы определяется современным состоянием мировой политики, взаимоотношениями политических акторов. «Лакмусовой бумагой», определяющей необходимость обращения к теме медиакратии, стали информационные операции, проводимые в связи с событиями, происшедшими на Украине зимой — весной 2014 г., и транслирующиеся по телевидению в настоящее время. Если говорить о медиасистемах, которые, по мнению П. Манчини, различны в разных правовых системах, то происшедшие события показали несостоятельность данного определения.

Свобода слова в демократических государствах ставится под сомнение. В период украинских событий (подготовка референдума в Крыму, 2014 г.), когда политическая элита Европы не могла определиться с позицией в отношении России, по сути, и должно было настать время медиакратии. СМИ Европы должны были оказать помощь политической элите, предоставив ей всеобъемлющую информацию. Однако, как и с событиями 2008 г. в период конфликта Южной Осетии и Грузии, СМИ не формировали позицию политических элит, а занимались пропагандистской

¹ Mediaocracy. Доступ: <http://www.unwords.com/alpha/M/1.html> (проверено 11.06.2014).

деятельностью. Вернее будет сказать, что СМИ транслировали определенную направленность информационных сообщений. Именно здесь становится понятным, что деятельность журналиста и деятельность СМИ — это «две большие разницы». В Великобритании и Германии, например, не выходили приложения «Российской газеты» к ведущим изданиям этих стран, несмотря на наличие контрактов. Конфликты между журналистами, не согласными с позицией редакции, и СМИ в этот период становились достоянием общественности в сети Интернет.

Таким образом, можно сделать вывод, что медиасистемы и в романо-германской правовой системе, и в системе традиционного права, и в системе социалистического права одинаковы. Однако это требует всестороннего изучения, т.к. могут быть нюансы в организации контроля над медиасистемами.

Как мы указывали выше, П. Манчини, Д. Халин, А.С. Пую, С.С. Бодрунова рассматривают медиакратию в отрыве от пропагандистских и манипуляционных функций СМИ. Конечно, можно изучать отдельно взятую тему, но помещать ее в вакуум, обрывая связь с реальной политикой, значит заведомо получить некорректный результат.

Современные теории журналистики определяют СМИ как связующее звено между властью и обществом. Предполагается, что через СМИ власть имеет обратную связь с народом. Но как бы это ни казалось циничным, народ в демократическом обществе — синоним определения «электорат», который должен прийти на выборы и проголосовать за того, кто идет во власть, или того, кто находится в иерархической системе власти.

Медиакратия, которую мы рассматриваем, является составляющей структуры «власть — общество». Но, по нашему мнению, и СМИ, и медиакратия не являются частью взаимоотношений власти и народа. СМИ — это инструмент власти, такой же, как армия. Когда необходимо, власть использует СМИ в своих интересах. Интересы власти не рождаются одномоментно. Все идет строго по плану в соответствии с разработанной стратегией. По нашему

мнению, эта стратегия — информационная. Государство, имеющее и умеющее формировать свою стратегию, действует в соответствии с ней. Такой стратегии предлагается дать определение «ноополитика». *Ноополитика* — это информационная стратегия по манипулированию международными процессами посредством формирования у общественности через средства массовой информации положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей [Nikonov 2013: 242]. В такой информационной стратегии будет место и медиакратии, которую власть может использовать в подходящий момент. На это можно возразить, что само понимание власти до настоящего времени относится к философской категории. Единого определения власти на сегодняшний день не имеется. И это одна из главных причин, по которой медиакратия не может стоять в звене «власть — общество». Но с помощью методов воздействия на общество, в данном случае информационных, возникает необходимость понимания области применения информации и объектов, на которые направлены информационные потоки.

Пропагандистские функции СМИ никто не отменял. Глобальное информационное пространство создало абсолютно новый информационный сектор, которого раньше просто не было и за который сегодня идет борьба с целью захвата и удержания в нем превосходства. В XX в. создание в центре Европы двух мощных военно-политических блоков породило качественно новый тип мировой войны — «холодную войну». Далее сложилась ситуация, когда СМИ перешагнули барьер своего предназначения — получать и распространять информацию; из «четвертой власти» СМИ превратились в оружие «мягкой силы». «Холодная война», «мягкая сила», «общественная дипломатия», медиакратия — это все составляющие ноополитики.

Таким образом, говорить о медиакратии без упоминания ее места в ноополитике, по нашему мнению, нецелесообразно. Российские исследователи

отмечают, что существует запрос гражданского общества на политическую коммуникацию с властью [Катушева 2014: 83]. И такая коммуникация исследуется в виртуальной области. По нашему мнению, необходимо согласиться с положениями, вынесенными на научное обсуждение К.А. Катушевой, что виртуализация политической коммуникации «общество – власть» в настоящее время невозможна из-за цифрового неравенства. Речь идет о неравенстве доступа к информационным технологиям и навыков их использования. Декларация об устранении цифрового неравенства, по сути, является частью информационной стратегии, направленной на создание политического имиджа государственных органов власти среди своего электората, отражающего заботу государства о его безопасности.

Основной угрозой национальной безопасности России, по мнению М.М. Кучерявого, цитирующего Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года, является

возможное использование информационных технологий для вмешательства во внутренние дела суверенных государств [Кучерявый 2014: 105].

Современная политика не может существовать без использования своих преимуществ в области цифровой технологии. Без вмешательства во внутренние дела суверенных государств нельзя обойтись, иначе пострадают геополитические интересы России. В журнале «Власть» М.М. Кучерявый цитирует президента России В.В. Путина: «Мы должны быть готовы парировать такие потенциальные угрозы, как, например, кибертерроризм» [Кучерявый 2014: 106]. Это означает, что вывод М.М. Кучерявого о необходимости совершенствования межведомственного взаимодействия при реализации государственной политики РФ в области международной информационной безопасности явно неактуален. В то же время такое взаимодействие может являться составной частью формирования медиакратии, которая при определенных политических процессах трансформируется в ноополитику.

Литература

Катушева К.А. 2014. Трансформации политической коммуникации в системе «общество – власть» в современной России. – *Власть*, № 2. С. 82-87.

Кучерявый М.М. 2014. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира. – *Власть*, № 2. С. 105-110.

Медиакратия: современные теории и практики (под ред. А.С. Пую, С.С. Бодреновой). 2013. СПб.: Изд-во СПбГУ, 352 с.

Halin D. C., Mancini P. 2004. *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge.

Nikonov S.B. 2013. Information Society in its Function as an Object of Directed Influence of Noopolitics. – *World Applied Sciences Journal*, 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication). P. 241-246.
